
УДК 101.1:316

ББК 87.6

Н 16

А.А. Награльян,

кандидат социологических наук, соискатель ИППК ЮФУ, тел. 8(8632) 64-19-12

Д.В. Филюшкина,

кандидат социологических наук, соискатель ИППК ЮФУ, тел. 8(8632) 64-19-12

**Место и роль национальной традиции
в условиях глобализации экономики и культуры
(Рецензирована)**

Аннотация. Рассматривается проблема сохранения национальной традиции и национальной идентичности в современном обществе, характеризующемся прогрессирующей глобализацией экономической и культурной жизни. Подчеркивается необходимость сохранения национальной традиции и идентичности, опасность их исчезновения в результате восприятия унифицированной и космополитичной культуры.

Ключевые слова: традиция, глобализация, национальная идентичность, мультикультурализм.

A.A. Nagralyan,

Candidate of Sociology, Doctoral Candidate at Institute of Teachers' Retraining and Qualification Improving, Sothern Federal University. Ph.: 8(8632)64-19-12

D.V. Filyushkina,

Candidate of Sociology, Doctoral Candidate at Institute of Teachers' Retraining and Qualification Improving, Sothern Federal University. Ph.: 8(8632)64-19-12

**The place and role of national tradition
in globalizing economy and culture**

Abstract. This paper is focused upon the problems of preservation of national tradition and national identity in the modern society which is characterized by progressing globalization of economic and cultural life. The authors show that it is necessary to preserve the national tradition and identity since there is a danger of their disappearance as a result of perception of the unified and cosmopolitan culture.

Keywords: tradition, globalization, national identity, multiculturalism.

Процессы глобализации, затрагивающие, в той или иной степени, все сферы жизнедеятельности современного общества, не могут оставить без внимания такой важнейший вопрос, как сохранение национальных традиций, культурного своеобразия и определенных ценностей. Известно, что в современном мире набирает обороты размытие национальных культур, стирание границ между ними, в результате чего населением многих стран воспринима-

ется практически одна и та же модель культуры. В особенности этот процесс заметен в космополитичных мегаполисах Запада, характеризующихся интернациональным составом населения и в то же время господством достаточно унифицированных ценностно-нормативных установок, моделей поведения. По мнению некоторых исследователей, глобализацию можно охарактеризовать как процесс, «в ходе которого стираются географические

границы социальных и культурных систем» [1]. Причем начало глобализации ряд ученых относит отнюдь не ко второй половине XX в., а к эпохе Великих географических открытий, способствовавших колониальной экспансии европейских государств в Америку, Азию, Африку и формированию общемировой экономической системы, находящейся под контролем европейцев [2].

Стирание культурных различий между различными народами, происходящее в ходе глобализации, встречает как сторонников, так и противников среди людей самого разного социального положения, разных политических взглядов. Мы можем согласиться с точкой зрения современного египетского исследователя Магади Абд аль-Хафиза, который указывает, что «глобализация в нашем понимании — результат объективного исторического развития. Сама по себе она не является ни позитивным явлением, ни явлением негативного свойства. Это комплекс объективных процессов, не зависящих от воли индивидов и наций. Его можно использовать в интересах человека и всего человечества, если обеспечить уважение культурных и иных различий между людьми, — важнейшую предпосылку для построения мира, опирающегося на равновесие между различными видами исторического опыта» [3].

То есть сами по себе процессы глобализации не влекут за собой негативные последствия, если не сопровождаются разрушением национальных культур и формированием нового типа «человека без национальности», не идентифицирующего себя с какой-либо конкретной национальной и культурной общностью. Последнее мы можем наблюдать среди значительной части мигрантов из стран «третьего мира» и бывшего социалистического лагеря, осевших в США или Западной Европе, хотя в последние десятилетия далеко не все мигранты выражают готовность полностью интегрироваться в принимающее общество, предпочитая существовать достаточно замкнутыми анклавами, что создает дополнительную почву для обострения национальных противоречий и ненави-

сти к мигрантам со стороны коренного населения.

Массовая миграция, которая действительно меняет лицо современного мира, прежде всего европейских стран, по мнению Н.В. Тишуниной, связана «не только с экономическими, но в той же степени и с психологическими факторами. Поиск себя, своей идентичности в «омассовленном» мире приводит к острой необходимости обрести свое, идентичное себе жизненное пространство. Вместе с глобализацией возникает проблема идентичности, национальной и индивидуальной, и одновременно проблема мультикультурализма в соотношении ее с поликультурностью» [4]. Собственно говоря, современный мир знает лишь два варианта отношения к национальным традициям в условиях глобализации — принцип «плавильного котла», который до недавнего времени господствовал в США в отношении прибывающих в страну мигрантов, и мультикультурализм, к которому склоняется целый ряд европейских государств, а также Канада и Австралия.

Специфика общества, формирующегося в процессе глобализации, состоит и в том, что теряется исключительность отдельно взятых национальных культур. От существовавших практически изолированно друг от друга «миров» — европейского, ближневосточного, восточноазиатского, российского и т.д., большинство развитых государств переходит к сосуществованию множества культур и идентичностей. Происходит то, о чем писал в «Состоянии постмодерна» Ж.Ф. Лиотар — тотальное и абсолютное вытесняется множественным, которое может существовать и в самых различных комбинациях: так, в европейских городах появляются районы, заселенные выходцами из Азии и Африки, живущими практически в соответствии со своими национальными традициями, но равным образом растут и количество мигрантов, выбирающих ассимиляцию, а не существование в анклавах, также и многие европейцы фактически отказываются от своих традиций, принимая ислам, буддизм или индуизм в качестве вероисповеда-

ния. Происходит переход от доминирования какой-либо одной культурной традиции к одновременному сосуществованию бесчисленного множества культур, к носителям которых можно отнести уже не только национальные и конфессиональные группы, но и, скажем, молодежные субкультуры, которые также формируют собственные идентификационные модели, диктуют своим адептам определенные ценностные установки и модели поведения.

П. Бергер и Т. Лукман указывают на то, что в современном обществе, характеризующемся прогрессирующим отчуждением реальной повседневной жизни людей от социальных структур, идентичность все больше приобретает черты самоидентификации, теряет тождественность внешним социальным институтам, и именно благодаря этому современный человек получает возможность собственноручно конструировать свое «я» за счет выбора из того набора идентичностей, которое ему может предложить то или иное общество [5]. Индивидуализм и становится одной из основ мультикультурности, утверждающейся в современном мире.

В то же время современными исследователями подчеркивается и определенная противоречивость, заложенная в мультикультуралистских принципах, по которым стремится организовывать свою жизнь значительная часть западных обществ. Прежде всего, речь идет о том, что меньшинства, получающие свободу жить в соответствии со своими ценностными и поведенческими установками, фактически отказываются соблюдать традиции поведения, разделяемые большинством населения [6]. Более того, в некоторых случаях они не только не стремятся к корректировке своего поведения за счет приспособления к нормам жизни в принимающей стране, но и пытаются оказать давление на большинство населения, чтобы оно корректировало свои действия в соответствии с традициями и ценностями меньшинства: известны, например, пожелания арабской общины Австралии к австралийским женщинам появляться на пляже в закры-

тых купальных костюмах, чтобы не провоцировать арабскую молодежь на совершение преступлений сексуального характера. При этом не берется во внимание тот факт, что это прибывшие мигранты должны приспосабливаться к традициям доминирующего большинства, а не последнее должно перестраивать свой образ жизни в соответствии с моделями поведения, принятыми в среде переселенцев.

Современный мир, по меткому определению М.Хардта и А.Негри, все больше напоминает «империю», которая, однако, имеет не линейную, как империи прошлого, а сетевую структуру, представляя собой конгломерацию множества различных культур, сосуществующих в рамках глобализованного общества, которое строится и функционирует на общих принципах [7]. Мультикультурность такого общества — не более, чем миф, используемый в идеологических целях: ведь большинство проживающих в развитых государствах Запады граждан так или иначе руководствуется примерно схожими ценностными установками и нормами поведения, является носителем общей глобализованной культуры. Различия между современными немцем и французом в культуре и образе жизни сегодня в любом случае существенно меньше, чем даже столетие назад и именно это размывание границ, существующих между национальными культурами, является непосредственным результатом глобализации.

Опасность нивелирования национальной традиции в контексте утверждения космополитических ценностей неоднократно подчеркивал целый ряд исследователей, оппозиционно настроенных по отношению как к процессу культурной глобализации, так и к ценностям современного постиндустриального общества. Одним из наиболее тревожащих факторов выступает индивидуализация современного социума, влекущая за собой постепенное исчезновение традиционных связей, что представляет собой прямую угрозу физическому выживанию западного мира [8].

Все большее количество людей в странах Запада, ориентируясь на индивидуалистические ценности, предпочитает не обзаводиться семьей или, будучи в браке, не рождать детей, в результате чего большинство европейских государств сегодня находится в состоянии глубокого демографического кризиса. Проблемы с рождаемостью в западных странах особенно очевидны при сравнении с государствами «третьего мира», во многих из которых граждане в возрасте моложе 25 лет составляют подавляющее большинство населения, и, несмотря на низкую продолжительность жизни, присущую малоразвитым странам, их население продолжает расти, причем крайне стремительными темпами.

Совершенно другую ситуацию мы можем наблюдать в западном мире. Европа стареет и, как справедливо отмечает современный исследователь М. Маяцкий, «сегодня европеец стар по сравнению с прочим миром. От кого же ему ждать полагающихся старику заботы, такта, внимания, лечения? От тех, кто молод или, по крайней мере, моложе. И кого, чисто статистически, все меньше и меньше. Ксенофобские реакции, сегодня процветающие на антиисламской и/или антиизраильской волне, кроме своей архаичности-атавистичности в принципе, несостоятельны еще и экономически. Завтра миллионам европейских стариков будет некому подать стакан воды, не окажись под рукой приезжий или потомок приезжего» [9]. Поэтому Запад, так или иначе, заинтересован в тех миллионах мигрантов, которые оседают в европейских государствах, составляя значительную часть работников, занятых в таких малопrestижных сферах деятельности как бытовое обслуживание, строительство, коммунальное хозяйство.

Другим негативным последствием отхода от национальной традиции является деморализация значительной части населения вследствие утверждения гедонистических ценностей, восприятие которых влечет за собой и рост социальных девиаций, количества

«идейных» безработных, выбирающих образ жизни тунеядца, получающего социальное пособие. В наибольшей степени от деморализации страдает население тех стран, в которых национальная традиция была де-факто разрушена, а на ее место пришли потребительские и гедонистические ценности. К ним относятся, в частности, многие латиноамериканские государства, которые сегодня отличает высокий уровень преступности, маргинализация и наркотицизация значительной части населения, в особенности молодежи.

Последствия разрушения традиционной системы ценностей уже всецело испытала на себе постсоветская Россия, в которой вслед за разрушением советской политической и экономической системы и переходом к строительству рыночного общества началось и массовое насаждение новых вестернизированных ценностей, представляющих собой примитивизированный вариант потребительской идеологии, господствующей в США и, в меньшей степени, в Европе. В результате национальная культура оказалась едва ли не вытесненной на периферию масс-культурой, произошло резкое снижение качества воспитания и образования подрастающих поколений, что отразилось и на их интеллектуальном потенциале, и на образе жизни, и на мировоззрении. Молодое поколение оказалось наиболее восприимчивым к навязываемым ценностям и в результате понесло наибольший урон в ходе трансформационных процессов в постсоветской России, в том числе и в физическом плане: огромное количество молодых россиян в течение 1990-х гг. погибали в бандитских разборках, умирали от наркомании и алкоголизма, что было, собственно говоря, прямым результатом того образа жизни, ориентация на который закладывалась идеологией потребительского общества в ее адаптированном для стран «третьего мира» варианте.

В ходе политических и экономических преобразований в стране многими средствами массовой информации был взят курс на целенаправленное внушение населению пренебрежитель-

ного и даже ненавистного отношения к национальной культуре, традиционным для русского народа ценностям, которые рассматривались как нечто ущербное, «варварское», по сравнению с культурными ценностями Запада. Взять к примеру, хотя бы, словосочетание «цивилизованный мир», активно употреблявшееся в отношении США и Европы в том контексте, что Россия к «цивилизованному миру» как бы и не относится.

Спрос общества на возвращение к национальным традициям подтверждается и растущим интересом населения к истории и культуре своей страны, причем в процесс культурного возрождения включается и значительная часть молодежи, для которой сегодня характерны в большей степени консервативные и националистические, чем либерально-западнические убеждения. Согласно данным социологических исследований, в настоящее время примерно 47% российского населения убеждены в том, что западный путь развития не подходит для российского общества [10]. Россия должна развиваться самостоятельно, ориентируясь на свои исторические традиции, и эта культурная уникальность является непреходящей ценностью.

О приверженности россиян традиционным культурным ценностям свидетельствует и тот факт, что индивидуализация и атомизация коснулись современного российского общества все же в несравнимо меньшей степени, чем, скажем, общества американского или европейского. Для современных россиян, включая и большую часть молодого поколения, такие традиционные ценности, как заведение семьи и рождение детей, поддержание хороших отношений с родственниками и друзьями, играют значительную роль. В данном случае сказывается и традиционный для России коллективизм, всегда бывший одной из основных ценностей, признававшихся большинством российского населения, и выступавший в качестве базовой составляющей для идеологии, господствовавшей как в до-революционном российском обществе с триединством принципов «правосла-

вие, самодержавие, народность», так и в советском обществе.

Результаты социологических исследований свидетельствуют и о негативном отношении большинства россиян, в особенности представителей молодого поколения, к процессу глобализации. Очевидно, что для многих из российских граждан с глобализацией связываются попытки подчинения Западу экономики и культуры современной России. Так, к глобализации негативно относится 55% респондентов, в то же время наиболее негативные эмоции выявлены и по отношению к мигрантам — 61% опрошенных недовольны приезжими [11]. Последнее обусловлено, в том числе, и особенностями поведения прибывающих в Россию мигрантов, которые часто демонстрируют неуважение по отношению к местным традициям, провоцируют конфликты с представителями коренного населения, вытесняют последних из определенных сфер хозяйственной жизни. Очевидно, что рост количества мигрантов и их влияния на экономическую и социокультурную сферы российского общества связывается значительной частью граждан с процессом глобализации, что и объясняет недовольство последней.

Ориентация значительной части россиян на соблюдение национальных традиций не способствует и утверждению в стране такой основополагающей ценности современного глобалистского общества, как толерантность, лояльное отношение к иным культурным и национальным сообществам. Для среднестатистического российского гражданина характерно достаточно негативное отношение не только к мигрантам, но и ко всем группам и лицам, демонстрирующим свою «инаковость», в том числе к различным субкультурным сообществам, и, прежде всего, к лицам с нетрадиционной сексуальной ориентацией. Причем данное негативное отношение оказались неспособны победить даже средства массовой информации, в течение всех 1990-х гг. усиленно культивировавшие вестернизированные ценности и образ жизни, включая и толерантное отношение к меньшинствам.

Однако глобализация является объективным процессом, не зависящим от отношения к ней со стороны тех или иных национальных и социальных групп. Безусловно также и то, что она оказывает существенное влияние на национальные культуры, способствуя во многом нивелированию традиционных ценностей, господствовавших в том или ином обществе. Разрушительный характер глобализации для национальной традиции тем не менее возможно свести к минимуму, если стремиться не к слепому заимствованию «общемировых» ценностей, а к совмещению позитивного опыта, накопленного как в процессе глобализации, так и на всем пути исторического развития той или иной национальной общности. В любом случае можно привести в пример высокоразвитые в экономическом отношении государства Восточной и Юго-Восточной Азии, которые, будучи активными участниками мирового экономического и культурного сообщества, в то же время практически полностью сохранили национальную традицию. Более того, в некоторых странах, к примеру в Малайзии, государством взят курс на защиту национальной традиции от чужеродных влияний, равным образом как и коренное население имеет законодательно подтвержденные приоритетные права перед мигрантами, включая более льготные условия

для развития собственного бизнеса или получения образования [12].

Мы можем согласиться с мнением И.Валлерстайна, который пишет: «нам нужно знать не о том, что мы — граждане мира, а о том, что мы занимаем особые ниши в неравном мире и что беспристрастность и глобальность, с одной стороны, и отстаивание узких интересов — с другой, — это не противоположные, а сочетающиеся между собой сложным образом позиции. Одни сочетания желательны, другие — нет. Одни желательны здесь, но не там, сейчас, а не тогда. Узнав об этом, мы сможем лучше понять нашу социальную реальность» [13].

В процессе экономической и культурной глобализации, размывающей границы между различными нациями и утверждающей унифицированные культурные ценности, от сохранения национальной традиции зависит, в первую очередь, и сохранение национального культурного своеобразия, национальной идентичности. Традиционные ценности для населения значительной части мира оказываются важнейшим способом защиты от определенного негативного влияния унифицированной масс-культуры, способной нанести серьезный ущерб духовно-нравственному здоровью наций, а следовательно, и национальной безопасности целого ряда государств.

Примечания:

1. Waters M. Globalization. L.; N. Y.: Routledge, 1995. P. 3.
2. Braudel F. Civilisation materielle, economic et capitalisme, XV-XVIII siecle. T. 3. Paris: Armand Colin, 1979. P. 12-14.
3. Магади Абд аль-Хафиз. Метаморфозы самобытности и вызовы глобализации // Культурная идентичность и глобализация. Доклады и выступления. Пятый международный философский симпозиум «Диалог цивилизаций: Восток-Запад», 27-28 апреля — 4-5 мая 2001 г., Москва. М., 2002. С. 64.
4. Тишунина Н.В. Современные глобализационные процессы: вызов, рефлексии, стратегии // Глобализация и культура: аналитический подход. СПб., 2003. С. 5-24.
5. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., 1995. С. 276.
6. Tailor Ch. Democratic Exclusion (and its Remedies?) // Citizenship, Democracy and Pluralism / Alan C. Cairns at al. Montreal; Kingston: McGill — Queen's University Press, 1999. P. 279.
7. Хардт М., Негри А. Империя. М., 2004.
8. Савельев А.Н. Образ врага. Расология и политическая антропология. М., 2010. С. 451.
9. Маяцкий М. Курорт Европа. URL: www.prognosis.ru/news/world/2005/12/9/maiatsky.html
10. Готово ли российское общество к модернизации?: аналитический доклад / Российская Академия Наук, Ин-т социологии. М., 2010. С. 161.

11. Programme des Nations Unies pour le développement, Rapport sur le développement humain 2004: la liberté culturelle dans un monde diversifié. Paris: Économica, 2004. P. 70.

12. Валлерстайн И. Ни патриотизм, ни космополитизм // Логос. 2006. №2 (53).

References:

1. Waters M. Globalization. L.; N.Y.: Routledge, 1995. P. 3.

2. Braudel F. Civilisation matérielle, économique et capitalisme, XV-XVIII siècle. V. 3. Paris: Armand Colin, 1979. P. 12-14.

3. Magadi Abd al-Hafiz. The metamorphoses of originality and globalization calls // Cultural identity and globalization. Reports and speeches. The fifth international philosophical symposium «The dialogue of civilizations: the East — the West», April, 27-28th — May, 4-5th, 2001, Moscow. M., 2002. P. 64.

4. Tishunina N.V. Modern globalization processes: challenge, reflections, strategies // Globalization and culture: an analytical approach. SPb., 2003. P. 5-24.

5. Berger P., Luckmann T. The social construction of reality. M., 1995. P. 276.

6. Taylor Ch. Democratic Exclusion (and its Remedies?) // Citizenship, Democracy and Pluralism / Alan C. Cairns at al. Montreal; Kingston: McGill — Queen's University Press, 1999. P. 279.

7. Hardt M., Negri A. Empire. M., 2004.

8. Saveljyev A.N. The image of an enemy. Race theory and political anthropology. M., 2010. P. 451.

9. Mayatsky M. The health resort of Europe. URL: www.prognosis.ru/news/world/2005/12/9/maiatsky.html

10. Is the Russian society ready for modernization?: an analytical report / The Russian Academy of Sciences, The Institute of Sociology. M., 2010. P. 161.

11. Programme des Nations Unies pour le développement, Rapport sur le développement humain 2004: la liberté culturelle dans un monde diversifié. Paris: Économica, 2004. THE RIVER 70.

12. Wallerstein I. Neither patriotism, nor cosmopolitanism // Logos. 2006. №2 (53).